

ЛЮДИ

М. Бём*

ГУГЕНОТЫ – УЧИТЕЛЯ ФРИДРИХА II

Биографии и рассказы ученых и писателей XVIII–XIX вв. редко затрагивают ранний период их интеллектуальной жизни, когда многие из них занимались преподаванием. Прежде чем они приобрели репутацию в мире науки, карьера их начиналась именно с передачи ученикам знаний, полученных в их интеллектуальной деятельности, как это было с Бейлем, Кантом, Шлегелем – учителем детей Жермены де Сталь – и многими другими¹.

Жак Эжид дю Ан де Жанден (du Nan de Jandun), о котором пойдет речь в этой статье, в какой-то степени прошел обратный путь: будучи выдающимся учеником Матюрена Вейссера де Ла Кроза и Филиппа Ноде, он проявил талант в области словесности и получив классическое образование, к которому впоследствии добавится образование военное, стал в 1718 г. наставником его королевского высочества Фридриха, будущего короля Пруссии Фридриха Великого. Однако эта должность стала для него не началом блистательной карьеры, а причиной изгнания в дальние пределы Восточной Пруссии. Сегодня те, кому имя этого человека все-таки известно, знают его не как талантливого интеллектуала, а как учителя с трагической судьбой.

Образование «на французский манер» являлось для молодежи из дворян и богатых бюргеров Германии, как и для всей Европы XVIII в., эталоном до того момента, пока не произошла переоценка ценностей в ходе патриотического движения немецкого Просвещения (*Aufklärung*), поставившая этот образец под сомнение. Французский язык – *lingua franca* – язык дворов Европы и «Республики ученых», отличавший высшие слои общества, блеск ума, прекрасные манеры, благородство и светскость – таковы основные черты французской культурной модели. Она и формировала своего рода рынок труда фран-

* Мануэла Бём, научный сотрудник университета Касселя (Германия).

¹ *Dannhauser M. De la France à l'Allemagne. Les Huguenots Français et l'un de leurs descendants, Jacques-Egide Duhan de Jandun, précepteur du roi de Prusse Frédéric II. Egelsbach, 1999.*

цузских и франкоязычных наставников, сделавших работу в Германии источником своих доходов. Такое положение дел сохранилось до середины XIX в. Важную роль в этом процессе, особенно в протестантских государствах Германии, играли выходцы из среды гугенотов.

Реформация в центре Пруссии – Бранденбурге – произошла в 1543 г.: его население приняло лютеранство. Правящий дом Гогенцоллернов принял кальвинизм в 1613 г., что привело к двойственной ситуации: народ исповедовал лютеранство, а монархи – кальвинизм. Из-за преследований во Франции протестантов после отмены в 1685 г. Людовиком XIV Нантского эдикта около 20 тысяч гугенотов откликнулись на «приглашение», сделанное им Фридрихом-Вильгельмом в Потсдамском эдикте 1685 г.², и обосновались в Бранденбурге, образовав как городские, так и сельские общины. Самая значительная французская колония была в Берлине: в 1700 г. она составляла 18% населения города, то есть каждый пятый берлинец был французом³.

Высшим слоям Бранденбурга сложившаяся ситуация была так же выгодна, как и самим гугенотам. Гугеноты и их потомки могли использовать свое знание французского языка и культуры как источник заработка и извлекать прибыль из процветающего рынка образования. Иногда даже эти знания открывали им путь к придворным и государственным должностям в Пруссии. С другой стороны, престиж их родной культуры и языка препятствовал быстрой ассимиляции французского меньшинства. Немцы использовали гугенотов как посредников в своем освоении языка и культуры передовой нации. Так в XVIII в. франкоязычная культура наиболее прочно укоренилась в Берлине и королевской резиденции Потсдама по сравнению с другими частями Германии⁴. Многие из гугенотов, бежавших в Бранденбург, стали зарабатывать себе на жизнь, работая воспитателями, учителями французского языка, гувернерами, преподавателями или школьными наставниками. Одно только перечисление разнообразных наименований должностей показывает то многообразие, что царило на рынке труда в сфере образования. Опираясь на корреспонденцию пастора и ученого Самюэля Формея, члена берлинской колонии гугенотов, Анри Дюрантон описал бедственные условия жизни французских гувер-

² *Birstiel E., Reinke A.* Hugenotten in Berlin // Von Zuwanderern zu Einheimischen. Hugenotten, Juden, Böhmen, Polen in Berlin. B., 1990; *Muret E.* Geschichte der Französischen Kolonie in Brandenburg-Preußen unter besonderer Berücksichtigung der Berliner Gemeinde. B., 1885.

³ *Wilke J.* Hugenotten in Berlin – Aspekte der sprachlichen Assimilation der “Berliner Franzosen” im 18. Jahrhundert // Berlin in Geschichte und Gegenwart. Stadtsprache und Sprachgeschichte. B., 1988. P. 66.

⁴ *Böhm M.* Sprachenwechsel. Akkulturation und Mehrsprachigkeit der Brandenburger Hugenotten vom 17. bis 19. Jahrhundert. B.; N.Y., 2010.

неров и наставников в немецком изгнании. В начале карьеры они зачастую мечтали жить своим писательским трудом, но их зависимое в профессиональном плане положение и постоянная конкуренция внутри франкоязычной среды за место на перенасыщенном рынке труда оказывали на них гнетущее воздействие⁵. Среди тех избранных, кому столь шаткое положение было незнакомо, были наставники принцев и принцесс правящего Бранденбургского дома. Гогенцоллерны обычно приглашали к себе на должности гувернеров французских гугенотов и швейцарских протестантов⁶, чья культура и кальвинистская мораль оказали влияние на несколько поколений представителей династии.

Гугеноты преподавали принцам и до, и после Фридриха. Но именно он больше других прусских королей и принцев соответствовал французской модели, а само его имя напоминает о ценностях века Просвещения. Просвещенный монарх, он принимал французских ученых у себя при дворе и в Королевской академии, сам был автором литературных, философских и политических сочинений, написанных по-французски, чем заслужил репутацию короля-философа и сделал из Берлина и Потсдама центры Просвещения по французскому образцу. Основы его интеллектуального образования были заложены Дю Аном де Жанденом. Именно под его руководством Фридрих в детском и подростковом возрасте пристрастился, вопреки воле отца, к французскому языку и французской классической литературе, за что поплатился заключением в тюрьму. Став наследником престола, он пользовался услугами своего воспитателя, чтобы упрочить и расширить свои познания. Взойдя на трон, он сделал эти ключевые принципы личного образования основой системы государственного образования в стране.

В этой статье будет рассмотрено влияние французского воспитателя на Фридриха и освещены основные принципы его программы обучения, а также показано, какие последствия они имели.

Гувернантка Марта де Монбай

Фридриха после рождения, как в свое время и его отца Фридриха-Вильгельма I, поручили в 1712 г. заботам Марты де Мон-

⁵ *Duranton H.* Un métier de chien. Précepteurs, demoiselles de compagnie et bohème littéraire dans le refuge allemand // *Dix-Huitième Siècle.* 1985. N 17. P. 297-315.

⁶ Здесь можно упомянуть Клода дю Беллэ д'Анше (Bellay d'Anché), гувернера сына курфюрста, маркграфа Карла Филиппа, который обосновался в Берлине задолго до отмены Нантского эдикта и «своим авторитетом внес значительный вклад в основание французской церкви в Берлине в 1672 г.» – *Erman J.P., Reclam P.C.F.* Mémoires pour servir à l'histoire des réfugiés françois dans les états du roi. В., 1782. Т. 1. P. 333–334. Подробности его деятельности, как и других гувернеров, например, Луи де Марконнэ (Marconnay) или Фредерика Ж. Пасса де Сегонда (Passa de Segond), остаются пока неизвестными.

бай (1659–1741)⁷, более известной под именем мадам де Рукулль. Эта молодая вдова благородного происхождения, родом из Нормандии, до своего второго брака с полковником Рукуллем жила в Берлине в окружении своих детей⁸. После назначения гувернанткой принцев правящего дома Пруссии в ее обязанности входило воспитание принца Фридриха и его сестры Вильгельмины в период их раннего детства. Маленький Фридрих звал ее «мама Рукулль», и именно она учила его говорить по-французски⁹. Когда ему исполнилось три с половиной года, известный учитель чистописания Гилмар Кюрас стал учить его чтению и письму¹⁰.

Письмо Фридриха 1737 г., написанное, как ни странно, по-немецки, показывает, насколько он, уже став взрослым, оставался привязан к своей гувернантке: «Я называю Вас матерью и надеюсь на Ваше позволение так называть Вас. В каком-то смысле это обращение принадлежит Вам по праву, принимая во внимание все те заботы и усилия, которые Вы приложили к моему воспитанию в мои ранние годы. Уверяю, что никогда не забуду этого, поскольку после моих родителей Вы являетесь той, кому я чувствую себя обязанным более всего»¹¹.

Подростком Фридрих посещал салон мадам де Рукулль в Берлине, где собирались высокопоставленные придворные и видные представители колонии гугенотов. Когда принц повзрослел и получил свой двор в Райнсберге, он продолжал материально зависеть от отца, и мадам де Рукулль посылала ему деньги¹².

Согласно прусской традиции, с четырехлетнего возраста воспитание принца переходило к мужчинам. Так у Фридриха оказалось двое гувернеров: генерал Финк фон Финкенштайн (Finckenstein) и полковник фон Калкштайн (Kalckstein) – выдающиеся деятели прусской армии, пользовавшиеся особым уважением короля. Первейшей заботой отца Фридриха была армия, за что его и наградили прозвищем Король-Солдат. Он очень сдержанно относился к искусствам и словесности, видя в них потерю времени, средств и сил. Вскоре после своего восшествия на престол он ликвидировал придворный оркестр, и с тех

⁷ Марта Дю Валь (Marthe Du Val), состоявшая в первом браке с Эзан Дю Маз де Монбаем (Du Maz de Montbail), более известна под именем своего второго мужа Жака де Пеле сеньора де Рукулля (Pelet, seigneur de Roscoulle), полковника мушкетеров, скончавшегося в 1698 г. в Берлине.

⁸ Beneke S., Ottomeyer H. Zuwanderungsland Deutschland: Die Hugenotten. Ausstellungskatalog des Deutschen Historischen Museums. Wolfratshausen, 2005. P. 352.

⁹ Dannhauser M. Op. cit. P. 135.

¹⁰ Preuß J. D. E. Friedrichs des Großen Jugend und Thronbesteigung. Eine Jubelschrift. B., 1840. P. 8.

¹¹ См.: Friedrich II. von Preußen. Œuvres de Frédéric Le Grand. Werke Friedrichs des Großen. Herausgegeben von Johann D.E. Preuß. B., 1850. T. 16. P. 205.

¹² Ibid. P. 205.

пор оперы Генделя шли под сопровождение военного оркестра.

Дабы дать Фридриху наилучшее образование и интегрировать его в армейскую среду, отец в 1717 г. сформировал роту кадетов, которой Фридрих учился управлять под началом своих гувернеров. В возрасте 5 лет он командовал кадетами на учениях и, если верить свидетельствам, любил эти военные и физические упражнения¹³. В 1718 г., когда Фридриху исполнилось шесть, ему выбрали наставника, чье учительство представляло собой разительный контраст тому, что он получал в этом военном окружении.

Эжид дю Ан де Жанден

Жак Эжид дю Ан де Жанден (1685–1745) был офицером прусской армии и отличался исключительной храбростью, в чем король мог убедиться лично. Именно в окопах при осаде Штральзунда 1715 г. Король-Солдат и назначил Дю Ана наставником своего сына¹⁴.

Однако Дю Ан был не только хорошим военным, но имел еще и прекрасное образование. Его отец Луи-Филипп дю Ан де Жанден, принадлежал к знатной семье гугенотов Седана и был членом Государственного совета при Людовике XIV. После отмены Нантского эдикта он отказался отречься от своей веры, что повлекло за собой тюремное заключение и конфискацию имущества. В 1687 г. он покинул Францию и обосновался в Берлине, где к нему присоединилась его супруга Мари д'Оже (d'Auger), дочь губернатора Мезьера, с сыном Жаком Эжидом, родившимся 4 марта 1685 г. Отец Жака Эжида сделал блестящую карьеру не только в управлении французской колонией Берлина, но и в качестве профессора математики Французского коллежа (Collège François) – высшего учебного заведения этой колонии. В этом Коллеже учился и Жак Эжид. Отец сам занимался его образованием, в соответствии с учебным планом коллежа. В первый цикл его обучения входила полная программа гуманитарного образования: греческий и латинский языки, классическая литература, французский язык, Новый Завет в греческом оригинале и французском переводе, география, риторика и, в особенности, сочинения Цезаря, Цицерона, Вергилия, Горация, Овидия и Гомера. После освоения этого уровня Жак Эжид уже как вольный слушатель Французского коллежа продолжил обучение у математика Филиппа Ноде и у Матюрена Вейссьера де ла Кроза,

¹³ Preuß J.D.E. Op. cit. P. 15; Bratuschek E. Die Erziehung Friedrichs des Großen. B., 1885. P. 10.

¹⁴ Dannhauser M. Op. cit. P. 134.

востоковеда и филолога либеральных взглядов¹⁵. Гуманитарное образование он дополнил военным в качестве прусского кадета¹⁶.

Учебный план Фридриха II

Король-Солдат проявлял мало интереса к гуманитарным дисциплинам и считал достойными юного принца предметы иного рода. Он навязал ему учебный план, который в 1685 г. был составлен отцом самого короля¹⁷, но адаптировал таковой к своим требованиям, превратив в «до нелепости ограниченную образовательную программу»¹⁸.

«Ядро» этого плана составляло прежде всего моральное и религиозное воспитание, физическое развитие и обучение хорошим манерам. Интеллектуальное развитие как таковое было представлено крайне скупо и ограничивалось историей – *studium historicum* – и арифметикой. Программа по истории включала в себя изучение генеалогии династий, географии, прав народов и естественного права. Она охватывала в основном 150 последних лет истории Бранденбурга, другие эпохи затрагивались лишь «по касательной». От будущего наставника принца король потребовал план обучения, который Дю Ан и представил, озаглавив его «Проект о способах разъяснения Его королевскому высочеству всеобщей истории последнего столетия». На полях плана сохранилась пометка, сделанная по-французски Фридрихом-Вильгельмом I: «А историю греков и римлян следует опустить; она ни для чего не годится» («Mais l'histoire des Grecs et des Romains doit être abolée; elles ne sont bonnes à rien»)¹⁹.

Второй предмет – арифметика – был в основном посвящен обучению счету, геометрии, экономике и артиллерии. Что касается языков, то король настаивал на некотором количестве часов, отведенных под упражнения по отработке стиля во французском и немецком языках, дабы принц приобрел хорошие стилистические эпистолярные навыки. Музыкальное образование Фридриха заключалось в распевании псалмов и игре на фортепьяно. Основное внимание короля было направлено на религиозное воспитание. Он предупреждал учителей и

¹⁵ Häseler J. Entre la France et le Brandebourg: La République des lettres. Choix et repères de gens de lettres huguenots au XVIIIe siècle // Hugenotten und deutsche Territorialstaaten. Integrationspolitik und Integrationsprozesse. Les États allemands et les huguenots. Politique d'immigration et processus d'intégration. München, Oldenbourg, 2007. P. 235.

¹⁶ Damhauser M. Op. cit. P. 135; Lavisse E. The youth of Frederick the Great. L., 1891. P. 8–10; Velder C. 300 Jahre Französisches Gymnasium Berlin. B., 1989.

¹⁷ Bratuschek E. Op. cit. P. 4–9.

¹⁸ Damhauser M. Op. cit. P. 136.

¹⁹ Cramer F. Zur Geschichte Friedrich Wilhelms I. und Friedrichs II., Könige von Preußen. Hamburg, 1829. P. 53.

гувернеров, что Фридрих не должен соприкасаться ни с атеизмом, ни с арианством, ни с социанианством, а самое главное – с католицизмом, который внушал ему наибольшее отвращение²⁰.

Среди дошедших до нас источников есть приказ короля, озаглавленный «Распорядок занятий, которому должен следовать мой старший сын Фридрих во время пребывания в Вустерхаузен». Он дает представление о распорядке дня принца осенью 1721 г.²¹

	Воскресенье	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота
6—7	Утренний туалет, завтрак, молитва	История	Утренний туалет, завтрак, молитва	История	История	чтение Библии с Людоном	Экзамены
7—8							
8—9							
9—10	Катехизис	Богослужение	Катехизис	Фехтование	Визит Короля		Урок в наказание или развлечение
10—11							
11—12							
2—3	География		Развлечение		Мораль		
3—4	Упражнения в стиле (нем. яз.)		Арифметика		Упражнения в стиле (фр. яз.)		
4—5					География		
5—9 ^{1/2}					Нем. язык		
9 ^{1/2} —10 ^{1/2}					Арифметика		
	Развлечения						
	Молитва, отход ко сну						

Такой распорядок дня характеризуется тремя особенностями. Во-первых, для девятилетнего ребенка он очень насыщен и оставляет мало времени на сон и развлечения, подходящие его возрасту. Присутствует безусловная строгость, что выражается, к примеру, в еженедельных экзаменах по субботам и дополнительных «уроках в наказание» в случае неудачной сдачи этих экзаменов. Во-вторых, можно отметить то чрезмерное значение, которое придается занятиям историей: более половины времени отводится истории и географии. В то же время вызывает удивление, насколько мало внимания уделяется языковому образованию принца. По всей видимости, час занятий по обучению эпистолярному стилю на французском и два часа занятий немецким языком считались королю достаточными для приобретения лингвистических навыков, необходимых во внутреннем управлении страной и ведении внешней политики. И наконец, грамматика французского и немецкого языков, античная и современная литература – в общем, все, относящееся к словесности, здесь отсутствует полностью. Даже латынь была запрещена королем: «Касательно латинского языка: мой сын не должен его изучать, и я не желаю, чтобы кто-либо заговаривал со мной

²⁰ *Preuß J.D.E.* Op. cit. P. 17; *Bratuschek E.* Op. cit. P. 14.

²¹ *Preuß J.D.E.* Op. cit. P. 23-27; *Cramer F.* Op. cit. P. 20–25.

об этом»²². По легенде, однажды король застал сына за склонением латинских существительных и тростью избил преподавателя²³.

Цель обучения наследника ясна: все, что считалось королем бесполезным, было исключено из программы. Наследник должен был освоить повседневное ремесло монарха, и король сосредоточился на его военном образовании. В «Распорядке» очень туманно упоминается о чтении – только хороших книг.

Программа обучения Дю Ана

Если наставник Дю Ан и не соблюдал распоряжений короля, то, по крайней мере, этой последней рекомендации он следовал ревностно, – в глазах короля его рвение было даже чрезмерным. Реализуемая Дю Аном программа выходила далеко за рамки королевских указаний: помимо обязательных предметов, втайне от короля, он приобщал Фридриха к богатому наследию классической литературы, заставляя читать во французском переводе, в первую очередь, Горация, Лукреция, Цезаря, Цицерона, Овидия, Софокла.

На сочинениях Горация Фридрих упражнялся в формировании собственного стиля. Благодаря изучению произведений античных авторов он выработал тот стиль, который проявится впоследствии в его сочинениях, – лаконичный, содержательный и четкий. *Tot verba tot pondera* – высказывание Горация, которое он процитирует позднее²⁴, прекрасно характеризует этот стиль. На французском языке он также упражнялся в подражании выдающимся риторам Рима.

В своих мемуарах его будущий почитатель Дьедонне Тьебо пишет: «Фридрих плохо знал латынь и ни слова по-гречески»²⁵. Фридрих и вправду жалел, что в своем знании латинской грамматики так никогда и не пошел дальше азов. Именно в изучении тогда им литературы и коренится его склонность к украшению писем и сочинений предложениями, девизами и цитатами из Горация и Лукреция.

Особое, основополагающее значение для воспитания Фридриха имело сочинение «Путешествие Телемака» Фенелона, которое, как он считал, отражало его собственный опыт, показывавший, что только усердное изучение классических произведений и знание Античности

²² Bratuschek E. Op. cit. P. 107.

²³ Ibid. P. 29.

²⁴ «Слово имеет вес» (лат.) Фридрих процитирует это высказывание в своем знаменитом сочинении «О немецкой литературе» – *Friedrich II. von Preußen*. Op. cit. T. 7. P. 120.

²⁵ Thiébauld D. Mes souvenirs de vingt ans de séjour à Berlin ou Frédéric le Grand, sa famille, sa cour, son gouvernement, son académie, ses écoles, et ses amis littérateurs et philosophes. P., 1804. T. 1. P. 149.

формируют возвышенный дух. Благодаря тому же Дю Ану Фридрих, помимо Фенелона, открыл для себя классических авторов французской литературы XVII в. – Расина, Мольера, Корнеля, которые и оказали на него наибольшее воздействие. Фридрих был настолько восхищен Расином, что в своем творчестве отразил личное восприятие классической литературы. Позднее к Расину добавился Вольтер, являвшийся для Фридриха образцовым наследником классицизма.

Что касается живых языков, то Фридрих изучал итальянский, который освоил на довольно сносном уровне. Немецким языком он владел гораздо лучше, правда, в основном языком письменным, что помогало ему позднее в управлении страной, но было недостаточно для понимания научных трудов или даже для сочинения стихов²⁶.

Еще одна страсть Фридриха в сфере гуманитарных наук – философия – тоже, по-видимому, была пробуждена Дю Аном, введшим его в мир метафизики Декарта и скептицизма Бейля²⁷. Позднее, к началу 1730-х гг., Фридрих приобщится к метафизике Христиана Вольфа, философа из Галле, которого его отец выслал из своего государства.

С 1722 г. начинаются перемены в поведении и предпочтениях принца. Если до того он подчинялся воле короля, разделяя отцовскую склонность к военным смотрам и парадам и проводя время в езде верхом, то теперь он выказывал предпочтение умственному труду и проводил свободное время в основном за чтением, а не в занятиях со своим маленьким подразделением. Он предпочитал флейту барабану, Бейля – Пуфендорфу, перо – ружью, а одежду французского маркиза – прусской форме. Одним словом, он предпочитал все то, что его отец ненавидел. Так было положено начало долгому конфликту между отцом и сыном, исход которого оказался не самым благополучным.

Библиотека, которую наставник составил для ученика, показывает направление интеллектуального влияния Дю Ана. По причинам, о которых будет сказано ниже, этой библиотеки больше не существует, но даже имеющиеся сведения о ней и выдержка из ее каталога представляют собой ценное свидетельство того, какой круг чтения наметил Дю Ан для будущего Фридриха II. Речь идет примерно о тысяче томов, под которые Дю Ан и Фридрих втайне от короля сняли помещение. Наставник являлся «хранителем ключа» и нанял библиотекаря²⁸. Каталог за 1727 г. подтверждает наличие в этой коллекции шедевров

²⁶ См. стихотворение на немецком языке, написанное для Гребена в 1734 г.: *Preuß J.D.E.* Op. cit. P. 28–29.

²⁷ *Koser R.* Friedrich der Große als Kronprinz. Stuttgart, 1886. P. 138.

²⁸ *Bratuschek E.* Op. cit. P. 39–51.

французской литературы, начиная с Рабле, большой выбор исторических трудов Античности, принадлежавших перу Иосифа Флавия, Демосфена и Плутарха, сочинений Аристотеля, Горация, Цицерона, Сенеки... В ней были и многочисленные книги по всеобщей истории, а также по истории иудейской, французской и английской. Философия была представлена сочинениями Декарта и его учеников Роо, Режи, де ла Форжа, Мальбранша, а также Локка, Ларошфуко, Эпикура, Эразма Роттердамского и в особенности – Фенелона и Бейля. Помимо всего этого, множество пособий по грамматике, словарей, атласов.

Чего не было в этой библиотеке? Ответ краток и прост – всей немецкой литературы и философии. Если не считать Пуфендорфа и нескольких сочинений по истории Бранденбурга (все – во французских и итальянских переводах), то там невозможно было найти ни одной книги, изданной в Германии или на немецком языке.

В 1727 г., с совершеннолетием принца, учительство Дю Ана пошло к концу. Король-Солдат **настаивал на продолжении только военного образования сына**. Фридрих, будучи очень привязан к Дю Ану, перед поступлением в армию написал ему прощальное письмо:

Мой дорогой Дюан,
Обещаю Вам, что, когда буду располагать собственными средствами, предоставлю Вам 2400 экю ежегодного дохода и что я буду любить Вас все больше, если это вообще возможно.
Фридрих,
Потсдам, 20 июня 1727 г.²⁹

Несмотря на неуверенное владение орфографией, Фридрих продолжал идти своей дорогой и вел двойную жизнь солдата и интеллектуала. Отношения с Фридрихом-Вильгельмом I **ухудшались**. Фридрих подвергался физическим и психологическим унижениям со стороны отца, разочарованного своим будущим преемником.

Узнавая о неподобающем поведении Фридриха, увлекавшегося не только интеллектуальными занятиями, но также женщинами и картами и делавшего долги, отец приходил в ярость даже на людях. Конфликт достиг апогея в августе 1729 г., когда раскрылся план Фридриха бежать в Англию. Король арестовал принца и его сообщника, потребовав смертного приговора для обоих. Впоследствии такой приговор заменили для наследника тюремным заключением. Так Фридрих оказался узником крепости Кюстрин и был лишен почестей и как военный, и как наследник престола. В течение года ему было запрещено писать и играть на флейте, одеваться по французской моде, носить форму,

²⁹ Ibid. P. 34.

читать книги и говорить на французском языке. Его библиотеку выставили на аукцион в Амстердаме³⁰. Через год король немного ослабил строгости и выпустил Фридриха из тюрьмы, запретив ему появляться в Берлине и Потсдаме и приказав приступить к изучению искусства управления. Фридрих провел год среди провинциальных чиновников за этим занятием, не получая никакого снисхождения.

Как бывший наставник, Дю Ан также навлек на себя гнев короля, считавшего его виновным в непокорности принца. Дю Ан и его отец были лишены привилегий и должностей. Жака Эжида сослали в Мемель (Восточная Пруссия). В 1730 г. принцу Фридриху удалось добиться его перевода в герцогство Брауншвейгское, где Дю Ан стал библиотекарем в Вольфенбюттеле. Между учителем и его бывшим учеником завязалась тайная переписка, свидетельствующая о взаимном уважении. Готовясь к своей будущей роли, Фридрих занял «позицию мнимой покорности»³¹, которую высоко оценил его отец. В марте 1734 г. он пишет Дюану: «Я все тот же, но похожу на зеркало, вынужденное отражать все, что перед ним»³².

В конце концов король простил сына. Фридрих оплатил эту милость и свободу согласием на брак с Елизаветой Христиной Брауншвейгской. В 1733 г. он женился, так описав свое отношение к супруге: «Я не желаю ей ни малейшего зла, но я никогда не полюблю ее»³³.

Прожив некоторое время со своим двором в Райнсберге, что к северо-западу от Берлина, Фридрих взошел на прусский трон 31 мая 1740 г. Три дня спустя он сообщил в письме Дю Ану, что ждет его с нетерпением³⁴. Однако необходимо задержаться на периоде пребывания Фридриха в Райнсберге, поскольку именно тогда он смог посвятить себя занятиям философией, литературой и искусствами.

Фридрих, «король Райнсберга»

В Райнсберге Фридрих приступил к углублению своего образования. Многие он постигал самостоятельно, но ему не хватало наперсника для интеллектуальных бесед и связи с «Республикой ученых». Такого человека он нашел в лице своего литературного агента

³⁰ Ibid. P. 118.

³¹ *Dannhauser M.* Op. cit. P. 154.

³² Ibid. P. 156.

³³ *Preuß J.D.E.* Op. cit. P. 170.

³⁴ Фридрих – Дю Ану де Жанден, 3 июня 1740 г. – *Friedrich II. von Preußen.* Op. cit. T. 17. P. 315.

Шарля Этьенна Жордана³⁵. Этот литератор, выходец из гугенотской семьи, бывший пастор, к тому времени побывал в Англии, Голландии, Франции, благодаря чему располагал обширной сетью интеллектуальных связей, в которую входили Фонтенель и Вольтер, Поп и Гравезанд. Это было важно для Фридриха, не имевшего своего опыта европейских путешествий и контактов с «Республикой ученых».

В своей «Республике Платона», как Формей назвал двор Райнсберга, Фридрих занимался с друзьями литературой, философией, театром и музыкой. Четыре года в Райнсберге были самыми счастливыми и спокойными в его жизни. Именно в этой обители муз он старался наверстать все то, чего ранее ему недоставало в интеллектуальном плане. В особенности глубоко он занялся метафизикой. Ульрих Фридрих фон Сум открыл ему философию Христиана Вольфа, которая научила его рассуждать и сомневаться. Он начал писать «Антимакиавелли», оды, вступил в переписку с главными деятелями «Республики ученых», в частности с Вольтером, Мопертюи, Фонтенелем и Ролленом. Жордан правил его письма и сочинения, служил посредником в установлении отношений с Вольтером. Со вступлением на престол Фридрих спешно призвал в Пруссию изгнанного философа Христиана Вольфа, дал новый импульс деятельности Берлинской академии наук, находившейся в небрежении при его отце.

Основные особенности образования Фридриха

Подводя итоги ученичества Фридриха, следует выделить три основных его аспекта, наложившие отпечаток на всю его жизнь.

Первый: античная модель. Чтение и перевод шедевров латинской и греческой литературы стали основой формирования ума Фридриха. Все, что он почерпнул под руководством Дю Ана, Фридрих, став королем, ввел в программу обучения высших учебных заведений своей страны. Это нашло отражение в его «Распоряжении об управлении Берлинской дворянской академией» (1765). В этом заведении мальчиков из знатных семей Пруссии готовили к военной и административной службе. Фридрих лично составил программу обучения молодых дворян. В частности, он рекомендовал: «Гомер, Вергилий, некоторые

³⁵ Шарль Этьенн Жордан (Jordan) (1700–1745), выходец из семьи гугенотов в Дофинэ; изучал теологию в Магдебурге, Женеве и Лозанне, став затем протестантским пастором в Потцлове и Пренцлау. После путешествий в Голландию, Францию и Англию выпустил соответствующее сочинение *Histoire d'un voyage littéraire, fait en 1733* (Гаага, 1735). С 1736 г. стал литературным агентом принца Фридриха. *Häseler J. Ein Wanderer zwischen den Welten. Charles Etienne Jordan (1700-1745). Sigmaringen, Thorbecke, 1993.*

оды Горация <...> – вот обильные источники, откуда он (преподаватель. – М.Б.) может черпать необходимое; это обогатит ум молодых людей и в то же время привьет им вкус к прекрасному»³⁶.

Эта мысль в сентябре 1779 г. вновь звучит в приказе министру фон Цедлицу о преподавании в колледжах Пруссии: «Следует также перевести на немецкий язык всех классических авторов, чтобы молодые люди могли получить представление, о чем там в действительности идет речь; без этого, они будут изучать только слова, но не поймут самого предмета <...>. На французском языке также есть прекрасные вещи, их тоже необходимо перевести»³⁷.

Фридрих II взялся за переводы античных авторов, чтобы четко формулировать мысли и хорошо овладеть стилем. В сочинении «О немецкой литературе» (1780) он пойдет еще дальше: если нация, чей язык и литература находятся в полуварварском состоянии – как, по мнению Фридриха, обстояло дело с Германией, – хочет стать лучше, надо сделать переводы классических авторов, чтобы усовершенствовать вначале язык: «С целью придания нашему стилю большей четкости, давайте избавимся от всяких бесполезных отступлений; с целью приобретения большей энергичности, давайте переведем древних авторов, излагающих свои мысли с наибольшей силой и изяществом. Возьмем у греков Фукидида, Ксенофонта, не забудем “Поэтику” Аристотеля; в особенности необходимо постараться воспроизвести мощь Демосфена»³⁸.

Фридрих II дает рекомендации, напоминающие «упражнения в стиле»: перевод и подражание хорошим авторам являются для него лучшим способом формирования собственного стиля.

Второй аспект. Первостепенное значение логики для формирования ума. Логика и метафизика для Фридриха II – фундамент всякого знания. В «Распоряжении об управлении Берлинской дворянской академией» он называет главной задачей этого заведения выработать у учеников способность «иметь четкие и ясные представления об окружающем мире, а не довольствоваться путаными и расплывчатыми понятиями»³⁹. Именно поэтому необходимо преподавать логику и метафизику. Программа обучения выглядела так:

Курс метафизики должен начинаться с изучения истории суждений, начиная с перипатетиков, эпикурейцев, стоиков, академиков, и до наших дней. При этом преподаватель должен подробно объяснить точку зрения каждого направления, используя при этом Бейля, «Туску-

³⁶ Instructions pour la direction de l'Académie des Nobles à Berlin (1765) // *Friedrich II. von Preußen*. Op. cit. Т. 9. P. 90.

³⁷ *Friedrich II. von Preußen*. Op. cit. Т. 27. Pt. 3. P. 279–280.

³⁸ *Ibid.* Т. 7. P. 119.

³⁹ *Ibid.* Т. 9. P. 89.

ланские беседы» и трактат Цицерона *De natura deorum* во французском переводе; затем он переходит к Декарту, Лейбницу, Мальбраншу и, наконец, к Локку⁴⁰.

Прусским колледжам он рекомендовал метафизику Х. Вольфа:

Для преподавания логики следует брать лучшее, что есть из написанного на немецком языке по этой теме, то есть логику Вольфа. Она немного длинновата, но ее можно подсократить. <...> В лицее Йоахимсталя и в других крупных учебных заведениях логику следует преподавать в полном объеме и систематически, как и в школах маленьких городов, чтобы каждый мог вынести разумное заключение⁴¹.

Влияние философского образования, полученного Фридрихом у Дю Ана, в частности сочинений Декарта, Локка и Мальбранша, и результаты его самостоятельных занятий в Райнсберге, например философией Вольфа, нашли таким образом отражение в учебной программе прусских колледжей.

Аспект третий и последний: недооценка и незнание немецкой литературы и языка. На протяжении всей жизни Фридрих так и не сблизился ни с немецким языком, ни с немецкой культурой. Сочинение «О немецкой литературе» показывает это в полной мере. Фридрих критикует недостаточную точность выражений и метафор немецкого языка, недостаточную четкость и изысканность литературных произведений, педантство философских сочинений и даже отсутствие звучности немецкой речи вследствие избыточного количества согласных. Когда в 1780 г. Фридрих писал этот труд, в Германии уже зарождался язык Гёте, Лессинга, Гердера и Виланда. Король так и не узнал об этом. До самой смерти, наступившей шесть лет спустя, он оставался привержен французским образцам.

Но вернемся к Дю Ану и закончим историю его отношений с Фридрихом II. Советник по вопросам внешней политики и почетный член Академии наук Дю Ан скончался в 1745 г. Посмертное похвальное слово ему написал сам Фридрих, а секретарь зачитал перед членами Академии. Завершалось оно так: «Уже одно лишь сожаление, испытанное великим монархом при этой потере, могло бы составить ему похвальное слово»⁴².

⁴⁰ Ibid. P. 93.

⁴¹ *Friedrich II. von Preußen*. Op. cit. T. 27. Pt. 3. P. 278.

⁴² Ibid. T. 7. P. 14.